

Гипотезы этимологии слова *Литва* и их восприятие в белорусском культурном пространстве

Victor Khalipov / Виктор Халипов

Klaipėda University, Lithuania / Клайпедский университет, Литва

El. paštas: victor.khalipov@gmail.com

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0328-7716>

<https://ror.org/027sdcz20>

Аннотация. У учёных нет единого мнения о происхождении слова *Литва*. Эта область исследований, имеющая давнюю историю, активно развивается. Современные версии этимологии классифицируются следующим образом: 1) гипотезы, связанные с названием группы людей; 2) гипотезы, связанные с географическими реалиями; 3) эпонимические гипотезы. При всём разнообразии и различной степени научной достоверности все концепции можно разделить на две группы. В первой группе слово *Литва* интерпретируется как балтское, а его происхождение связывается с географическими и историческими реалиями Литвы; во второй доказывается обратное, слово интерпретируется как не литовское и не балтское. Теории второго типа не доминируют в белорусском культурном пространстве, однако известны в нём сравнительно широко. Среди белорусских исследователей повышенный интерес к происхождению слова *Литва* часто проявляют те, кто склонен рассматривать Великое княжество Литовское в парадигме протобелорусских / раннебелорусских реалий. Некоторые теории литовских учёных почти не известны в Беларуси. Это порождает определённые различия как в области общепринятых стереотипов, так и между традициями, в которых преимущественно работают литовские и белорусские исследователи.

Ключевые слова: слово *Литва*, этимология, версии, белорусская рецепция истории, Великое княжество Литовское, культурное пространство

Hypotheses of Etymology of the Word ‘Lithuania’ and Their Perception in the Belarusian Cultural Space

Summary. There is no consensus among scholars as to the origin of the word ‘Lithuania’. This field of research, which has a long history, is actively developing today. Modern versions of etymology can be classified as follows, depending on their basis: 1) hypotheses related to the name of a group of people: militaristic, ethno-social, and ethno-toponymic (West Slavic and Finno-Ugric); 2) hypotheses related to geographical realities: hydronymic, thalassic, and climatic; 3) eponymic hypotheses: mythological (Baltic and Finno-Ugric), and legendary-historical. With all the variety and varying degrees of scientific reliability, all concepts can be divided into two groups. The first group interprets the word ‘Lithuania’

Received: 23.05.2024. **Accepted:** 6.06.2025.

Copyright © 2024 Victor Khalipov. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](#), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

as a Baltic word and connects its origin with the geographical and historical realities of the Lithuanian language; the second group proves the opposite, and interprets the word as neither Lithuanian nor Baltic. The theories of the second type do not dominate in the Belarusian cultural space, but they are known in it relatively widely. In general, among Belarusian researchers, those who tend to consider the Grand Duchy of Lithuania in the paradigm of proto-Belarusian / early Belarusian realities often show an increased interest in the origin of the word 'Lithuania'. Some theories of Lithuanian scholars are almost unknown in Belarus. All this generates certain differences both in the field of the generally accepted stereotypes and between the traditions in which Lithuanian and Belarusian researchers are predominantly working.

Keywords: the word *Lithuania*, etymology, versions, Belarusian reception of history, Grand Duchy of Lithuania, cultural space

Žodžio „Lietuva“ etimologijos hipotezės ir jų recepcija Baltarusijos kultūrinėje erdvėje

Santrauka. Mokslininkai neturi bendros nuomonės dėl žodžio „Lietuva“ etimologinės kilmės. Ši tyrimų sritis, turinti ilgą istoriją, aktyviai plėtojama. Šiuolaikinės etimologijos hipotezės klasifikuojamos atsižvelgiant į jų pagrindą: 1) hipotezės, susijusios su žmonių grupės pavadinimu: militaristinės, etnosocialinės, etnotoponiminės (vakarų slavų ir finougrų); 2) hipotezės, susijusios su geografinėmis realijomis: hidroniminės, jūrinės, klimatinės; 3) eponiminės hipotezės: mitologinės (baltų ir finougrų), legendinės-istorinės. Nepaisant mokslinio patikimumo įvairovės laipsnio, šios hipotezės skirstomos į dvi grupes. Remiantis pirmąja iš jų žodis „Lietuva“ aiškinamas esąs baltiškas, o jo kilmė siejama su geografinėmis ir istorinėmis Lietuvos realijomis; pagal antrąją hipotezę įrodoma priešingai – žodis aiškinamas nesąs nei lietuviškas, nei baltiškas. Antroji teorija nedominuoja Baltarusijos kultūrinėje erdvėje, tačiau yra gana plačiai žinoma. Iš Baltarusijos tyrėjų tie, kurie linkę įtraukti Lietuvos Didžiąją Kunigaikštystę į protobaltarusišką / ankstyvosios Baltarusijos realijų paradigmą, dažnai rodo didesnę susidomėjimą žodžio „Lietuva“ kilme. Kai kurios Lietuvos mokslininkų teorijos Baltarusijoje beveik nežinomos. Dėl minėtų priežasčių yra tam tikrų skirtumų tiek visuotinai pripažįstamų stereotipų srityje, tiek tarp tradicijų, kurias daugiausia nagrinėja Lietuvos ir Baltarusijos tyrėjai.

Reikšminiai žodžiai: žodis „Lietuva“, etimologija, versijos, baltarusių istorijos recepcija, Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė, kultūrinė erdvė

Образ Литвы занимает важное место в картине мира белорусов, часто включаясь при этом в различные парадигмы собственной национально-культурной идентификации, в рамках которых и этимология, и смысловое наполнение её названия являются предметом оживлённых научных и околонуточных споров. Степень достоверности обсуждаемых гипотез колеблется в весьма существенных пределах; при этом все они ретранслируются в информационном пространстве одновременно, часто предлагая взаимоисключающие интерпретации одних и тех же исторических реалий и феноменов культуры.

Цель данной статьи – на основе существующих к настоящему времени научных работ систематизировать версии происхождения слова *Литва*, предложив их типологию, и описать специфику их восприятия в белорусском культурном пространстве, установив её возможные причины.

1. Типология современных этимологий слова *Литва*

На сегодняшний день у учёных нет единого мнения относительно происхождения слова *Литва*; эта область, начало которой относится к XIX в., продолжает активно развиваться. Традиционные исследования письменных источников, гидронимов и топонимов, чисто лингвистические реконструкции всё чаще дополняются новейшими данными археологии, генетики, климатологии и других наук. Основные версии этимологии слова *Литва* поддаются систематизации в зависимости от основания.

1.1 Гипотезы, связанные с названиями группы людей

1.1.1 Милитарная (этносоциальная)

Симас Каралюнас выводит название *Lietuva* от унаследованного литовским языком из и.-е. языка корня **leit-* ‘идти, ехать, путешествовать, сопровождать’, этимологически включая реконструируемые литовские формы **leĩtis*, **leĩt(i)iai* в большую группу родственных слов со сходным значением [Karaliūnas 2015, 349–350], увязывая этот корень с семантикой ведения боевых действий, функциями вооружённой охраны, конвоя. Таким образом, первоначальное значение слова *Lietuva* – ‘отряд воинов’ [Karaliūnas 1995, 55–91]; слово образовано от корня **liet-* с помощью суффикса **ivā*. Предполагается, что и в летописях Руси слово иногда могло использоваться с тем же значением.

Отчасти близкой милитарной версии С. Каралюнаса является разделяемая многими учёными гипотеза Артураса Дубониса о том, что исходной формой литовского этнонима было слово *leitīs*, а его форма множественного числа *leičiai* ‘служилые люди князя, конюшие’ являлась обозначением этносоциальной группы литовцев-крестьян, проживавших на землях великих литовских князей при их дворе [Dubonis 1996, 11]. Впоследствии они как воины-колонисты расселялись князьями по вновь присоединённым владениям, имея более высокий статус по сравнению с прочими литовцами и отличаясь от них: они считались как бы «самыми настоящими» литовцами, «литовцами из литовцев». Соответственно, *Летава* / *Летува* называла территорию их проживания (Литва в узком смысле), которое впоследствии распространилось на всю страну [Baranauskas 2009, 35–36].

Таким образом, слово *leitīs* семантически связывается с государственной и военной службой, властью, в некотором смысле – с принадлежностью к политической элите.¹

¹ Эти идеи получают своеобразное развитие в некоторых ненаучных источниках, имеющих характер околонушной публицистики, причем в них обнаруживаются прямые ошибки и вольные допущения. Так, например, Альгирдас Патацкас помещает их в более широкий евро-

В белорусском культурном пространстве концепция Каралюнаса известна в том числе в её «славянизированной» версии, где отрицается литовское происхождение слова *литва* / *Литва*: «...произошло оно не из лиетувисского² языка, а из славянского. От слова *литься*, *сливаться* во-едино и окончания «-ва», которое указывает на множественное число, как, к примеру, в словах *брат-ва*, *лист-ва*» [Марченко 2006, 48]; «Гэтая назва [...] утварылася з дапамогай праславянскага суфікса са зборным значэннем -tv-a>-т-в-а (параўн. беларускія *дзятва*, польскія *dziatwa*, *towarzystwo*; расійскія *братва*, *наства*)» [Сіцька 2000, 13]. Данная версия, распространённая в незначительно различающихся вариантах, не апеллирует к каким-либо лингвистическим работам. Видимо, здесь мы имеем дело с «народной этимологией» или с близким к ней явлением. Однако и «...наивная (ложная) этимология и сама по себе, как феномен расхожего или же исследовательского сознания, представляет научный интерес, в том числе специально лингвистический. Дело в том, что в явлениях ложной этимологии срабатывают определенные воззренческие и культурные стереотипы, и как их действие, так и круг непосредственных ложноэтимологических ассоциаций заслуживают особого анализа» [Журавлёв 2000, 57]. Иногда заметна идеологическая обусловленность таких построений. Нечто подобное отмечал Альгирдас Греймас, указывая, что нередко деятельность исследователя носит направленный характер (когда он, пусть и в качестве не вполне осознанной стратегии, ищет и находит то, что он хочет найти, как бы «не замечая» то, что не совсем укладывается в общую «интенцию» его деятельности) [Греймас 2021, 62].

1.1.2. Этнотопонимические версии:

а) западнославянская; б) финно-угорская

а) Слово *Литва* трактуется как производное от этнонима *лютва* – названия племенного союза западных славян лютичей (от слав. *лютые* ‘злые’, либо от слова *люди*), предположительно вытесненных в ходе немецкой экспансии из междуречья Эльбы и Вислы, мигрировавших на территорию будущих Литвы и Беларуси и создавших здесь впоследствии литовское государство [Урбан 2001, 65–78]. Авторы, разделяющие эту

пейский контекст, обращая внимание на греческое слово *λειτουργια* (литургия) ‘общественное служение, долг, служение государству’: первой частью этого составного слова (*лейтон*, *лейто*), пишет Патацкас, в своей ранней истории ахейцы называли совет выборных мужей и здание, где заседал этот совет, – *leitō prítaneion* [Patackas 2011, 176]. История версии германского происхождения от слова *leitis* (готск. ‘дазволены, адпушчаны’) [Дайліда 2019, 30] не верифицируется.

² Использование слова *лиетувисский* вместо нейтрального *литовский* является «способом формального обозначения своей принадлежности к определенной группе историков» [Гриمالаускайте, Синчук 2004, 47], склонных трактовать Великое княжество Литовское преимущественно в парадигме раннебелорусских / протобелорусских реалий.

гипотезу, в том числе апеллируют к работе Павла Йозефа Шафарика *Славянские древности* (1847).

Некоторые лингвисты категорически отвергают такую трактовку по чисто фонетическим соображениям. Тем не менее, в белорусском культурном пространстве происхождение слова *Литва* нередко объясняется через формы типа *лют-* и под. На такую возможность указывают и некоторые академические издания, например, *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*: «Корань «літ-» (з варыянтамі «лет-/лют-») дапускае розныя этымалогіі як у балцкіх і славянскіх, так і ў інш. індаеўрапейскіх мовах» [Насевіч 2007, 202], а также монография *Беларуская і славянская гідранимія*, где подробно рассматриваются изменения прасл. **L'ut-* [Казлова 2002, 81–88].

Сторонники данной гипотезы склонны не разделять или игнорировать устоявшееся среди лингвистов мнение о том, что слово *Литва* в славянских языках является заимствованием из литовского языка, ср. мнение Макса Фасмера: рус. *Литва*, «...др.-русс. *Литѣва*, [...], прилаг. *литовский*, укр. *Литва́*, блр. *Літва́*, польск. *Litwa*, *litwin*, *litewski*» представляют собой «заимств. из лит. *Lietuvà*» [Фасмер 1986, 506]. Академический *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* также указывает: «Бел. лексема запозычана з літ. *Lietuvà* ‘Літва’» [Мартынаў 1990, 167]. Версия происхождения слова *литва* от названия одного из славянских племен противоречит следующему наблюдению лингвистического характера: «...для этнонимии Древней Руси был характерен тип собирательных этнонимов: *жмудь*, *лопь*, *мурома*, *мещера*, *литва*, *мордва*. Почти все такие наименования относились к неславянским народам (для собственно славянских народов существовали обозначения с суффиксами *-ане/-яне*, *-ичи* и др.)» [Агеева 1990, 21].

б) Предполагается, что слово *литва* (фин.-угорск. ‘болотное племя’ [Рагалёў 2008, 38; Ласкоў 2011, 62] либо ‘племя пяти родов’ [Ласкоў 1989, 14] – самоназвание одного из финно-угорских племен, изначально жившего на реке Олт (приток Дуная, территория современной Румынии), а затем переселившееся на привычные ему болотистые земли нынешних Литвы и Беларуси; на самом Дунае вплоть до XII в. одна из областей так и называлась – *Литва*.

Некоторые исследователи осторожно отмечают параллели с названиями реки Лайта (Литава), правым притоком Дуная, протекающей на территории современных Венгрии и Австрии, либо с рекой Литавя (Чехия), также относящейся к бассейну Дуная [Karaliūnas 2015, 340].

1.2. Гипотезы, связанные с географическими реалиями

1.2.1. Гидронимические

Слово *Lietuva* возводится к названию реки, что соответствует общей тенденции балтов (и индоевропейцев в целом) к созданию этнонимии по модели *гидроним* → *топоним* → *этноним* [Kuzavinis 1964, 8]. Эту реку определяли по-разному: как Неман, реконструируя его возможное древнее название **Leitūs*,³ что позже было отвергнуто [Karaliūnas 2015, 340], как Лейте (правый приток Русне в дельте Немана) или Латаву (приток Швянтойи), что также не вполне удовлетворило позднейших исследователей [Kuzavinis 1964, 7]⁴.

В настоящее время наиболее популярной гидронимической версией является гипотеза Казимераса Кузавиниса о том, что *Lietuva* – старолитовское слово, образованное от гидронима *Lemava* (*Lietava*, ныне также *Letauka*, *Lietauka*), названия небольшой речки, притока Вилии; позднее так же стали называть и территорию вдоль этой реки (*Lietavos žemė*), где со временем возникли такие центры, как Кернаве, Тракай и Вильнюс. *Lietava* после изменения суффикса превратилась в форму *Lietuva* [Kuzavinis 1964, 10]. В своё время исследователи указывали, что Летава – маленькая речка, скорее ручей в болотистой местности, где отсутствуют какие-либо археологические памятники, что вызывало сомнения в достоверности данной гипотезы; однако сравнительно недавно, в 1997 г., в лесу у Летавы было обнаружено древнее городище [Baranauskas 2003], о котором на момент публикации Кузавиниса ещё не было известно.

В свою очередь, гидроним *Lietava* многие исследователи возводят к глаголу *lieti* ‘лить’ [Otrębski 1958, 3]. К. Кузавинис предлагает следующую этимологию гидронима: «Гидроним *Lietavà* (*Lietauka*) произошел от физиографического термина **lietava* ‘река, вышедшая из берегов’, который в свою очередь происходит от глагола *lieti* ‘лить, разливать’» [Kuzavinis 1964, 17]. Он же предлагает и другую версию происхождения: *Lietava* является составным словом, образованным от причастия *lieta* (**lietta*) глагола *lieti* и существительного **ava*, имевшего в древности значение ‘река, источник’ [Karaliūnas 2015, 343]. Ещё один вариант этимологии предполагает образование слова от обозначения реки с глинистыми берегами, для которой не характерны паводки, и связывает его с балтским корнем **leīta-* ‘глина’ [Baranauskas 2009, 28–36].

³ Белорусские авторы в этом контексте приводят старое название Немана *Люта* [Тарас 2010, 15].

⁴ В контексте более осторожных сопоставлений с данными античных источников также упоминается река Айста (правый приток Ширвинты, притока Швянтойи) [Karaliūnas 2015, 334].

Томас Баранаускас, опираясь на версию Артура Дубониса, предлагает концепцию, интегрирующую этносоциальную гипотезу в гидронимическую «...the names for Lithuania and Lithuanians may have originated this way: *laĩtas* (**leĩtas*) “clay” – *Leĩtė* “clayey river” – *leitỹs* “dweller near the river *Leĩtė*” – *Leĩtava* “*Leičiai*, or the land of the *Leičiai*” (a collective noun) – *Lietava* || *Lietuvà* “*Leičiai*, land of the *Leičiai*” (a collective noun) – *Lietũvis* || *Lietuvỹs* “inhabitant of Lithuania”» [Baranauskas 2009, 34]. Иначе говоря, предполагается, что этносоциальная группа *leičiai*, давшая название Литве и её жителям, получила своё наименование от имени реки *Leĩtė* ‘глинистая река’, а первоначальное значение слова *leitỹs* – ‘обитающий у реки Лейте’.

1.2.2. Талассическая

Отправной точкой версий этого типа является сравнение слова *Lietuva* с латинским *lītus* ‘берег моря’. В прошлом исследователи выстраивали также более развёрнутые цепочки сопоставлений с кельтским *Letavia* ‘морской берег, побережье’ и древнегалльским *Litavia* ‘прибрежная земля’. По мнению А. А. Шахматова, так называли восточный берег Балтийского моря венеды (он считал их кельтским племенем), якобы жившие здесь в древности: «die Veneder die östliche Küste des Baltischen Meeres Litavia nannten» [Schachmatov 1912, 82], однако впоследствии он отказался от этой идеи; о возможном значении ‘побережье’ писал и Юлиус Покорный: «lit. *Lietuvā* ‚Litauen‘ (‚Küstenland‘)» [Pokorny 1959, 665].

Помимо возражений лингвистического характера [см.: Фасмер 1986, 506], талассическая гипотеза неоднократно ставилась под сомнение на том основании, что древняя Литва не была прибрежной страной. В настоящее время учёные обычно ограничиваются лишь констатацией сопоставления слова *Lietuva* с латинским *lītus* ‘море, морской берег, побережье’ и возведением обоих слов к и.-е. корню **lei-* / **lēi-* [Karaliūnas 2015, 340]; в свою очередь, значения этого корня, связанные с льющейся водой и дождём, не противоречат как гидронимической, так и климатической версиям.

1.2.3. Климатическая

Одна из версий происхождения названия *Литва* связана с влажным, дождливым климатом болотистой местности. Так, по мнению Александра Кочубинского, «славяно-русские колонисты застали между Припятью и Двиною литовцев, которые на своем языке прозывались обитателями сырых болотных равнин [...]». Быть может, не случайно, что и нынешнее этнологическое название литовцев – *Lėtuwà*, *Lėtũvis*, семантикологически

родственно с именем дреговичей⁵, связывалось с корнем *li* в нашем *литъ*, в литовском *lytus*, *дождь*» [Кочубинский 1897, 93]. В современном литовском языке нормативным является *lietus* ‘дождь’, однако фиксируется и *lytus*, характерное для Жемайтии⁶; в этом контексте также отмечали: «lit. *lieju, lieti*, ‘gießen’» [Pokorny 1959, 664], «лит. *lyti, lyja, lijo* „идёт дождь“» [Kuzavinis 1964, 17].

Витовт Чаропка возводил его происхождение к славянскому слову *литва* ‘ливень’ [Чаропка 1994, 96] (возможно, основываясь на «сербохорв. диал. *литва* ж. р. ‘излияние; многодневный сильный дождь’, [...] ‘ливень’ [...], русск. диал. *литва́* ж. р. ‘сильный дождь, ненастье’» [Трубачёв 1988, 159]), однако впоследствии, видимо, отказался от этой идеи.⁷

1.3. Эпонимические гипотезы

1.3.1. Мифологические версии: а) балтская; б) финно-угорская

а) Существует версия XIX в. о происхождении «слова “Литва” от слов “Летуванис” (литовский бог дождя) или Летува (название литовской богини свободы)» [Кудринский 1905], восходящая к предположению, весьма осторожно высказанному Теодором Нарбутом в работе *Mitologia Litewska*, хотя никакая «богиня Летува» у него в данном контексте не упоминается [Narbutt 1835, 102]. Это предположение, актуализированное и дополненное Юзефом Ярошевичем [Jaroszewicz, 1844, 33], впоследствии приводилось Федотом Кудринским уже как безусловное утверждение и получило некоторое распространение, несмотря на отсутствие аргументации и дискуссионность мифологических отсылок. На данной версии, не имеющей научной ценности, можно было бы не останавливаться, если бы не её относительная известность – чему, возможно, способствовал роман Константина Бадигина *Кольцо великого магистра*, где упоминаются божества Летуванис и Летува [Бадигин, 1982, 131]; в сети интернет можно встретить ссылки на этот художественный текст как источник сведений о литовской истории и мифологии.

б) Слово *Литва* «восходит к имени древнеевропейского мезолитического божества Богини-Птицы, точнее, Богини-Лебеди» [Ракаускас 1999, 35], предположительно почитавшейся доиндоевропейским населением «Старой Европы», согласно теории Марии Гимбутене [Гимбутас 2006, 251–257]. Ю. Ракаускас высказывает гипотезу, что это доиндоевропейское население было финно-угорским, и при этом сопоставляет сло-

⁵ Кочубинский считал дреговичей не славянами, а одним из древних литовских племён.

⁶ <http://lkz.lt/?zodis=lytus&id=18061420000>

⁷ В переиздании его книги 2003 года данной гипотезы уже нет.

во *Литва* с именем героини мордовского эпоса *Литова*, восходящем к мордовским глаголам *лиемс*, *лийсь* ‘лететь’ и существительному *ава* ‘женщина’ [Ракаускас 1999, 35]. О наследии доиндоевропейской Европы по Гимбутене, «когда богиня-птица существовала как одно из воплощений великой богини-матери», пишет и Й. Забулите, говоря о возможных причинах появления изображений птиц на традиционных литовских резных деревянных крестах [Забулите 2004, 279].

1.3.2. Легендарно-историческая

Слово *Литва* (через *лютва*) происходит от имени собственного князя Люта (Лютомира), к которому, по мнению Павла Урбана, восходит название племенного союза лютичей [Урбан 2001, 69], что отсылает нас к западнославянской этнотопонимической гипотезе (см. 1.1.2). Данное имя иногда связывается и с иными персонажами – с сыном киевского воеводы скандинавского происхождения Свенельда [Борисов 2015], который отождествлялся А. А. Шахматовым с Мстиславом Лютым [Шахматов, 1908, 9]. Имя *Лют*, в свою очередь, выводится либо из славянского *лю-тый* ‘злой’, либо из скандинавского имени *Ljótr* ‘уродливый’ (< прагерм. **leutaz* ‘лживый, обманчивый’). Однако нет никаких данных, что этот Лют мог быть как-то связан с Литвой. Данная версия слабо разработана и не имеет сколько-нибудь развёрнутой аргументации.

2. Рецепция различных версий этимологии слова Литва в белорусском культурном пространстве

Некоторые из рассмотренных версий происхождения слова *Литва* в разное время использовались (а иные и продолжают использоваться) при создании различных концепций, выходящих далеко за рамки лингвистики – этнологических, культурно-исторических, политических и т. д. Они находят также художественное воплощение и в литературе, и в публицистике – при этом степень их научной достоверности далеко не всегда оказывается в фокусе внимания авторов. Это не всегда важно для культуры и для художественной литературы, предполагающей вымысел как условие своего существования. Важно другое: даже те тексты, которые могут быть определены как фикциональные, так или иначе уже стали частью белорусского информационного поля, связанного с Литвой и литовцами, привнося в данное поле дополнительные смыслы. И публицистика, и, тем более, беллетристика вовсе не всегда стремятся к реконструкции исторически и этнологически точных образов стран и народов; во многом они в художественной форме артикулируют, ретранслируют, а зачастую и формируют различные культурно-политические мифы и национальные стереотипы, будучи предметом изучения имагологии как от-

дельной гуманитарной дисциплины, опирающейся в том числе и на данные лингвистических исследований.

При всём разнообразии и различной степени научной достоверности, все перечисленные в первом разделе статьи концепции в целом можно разделить на две группы. В первой из них слово *Литва* интерпретируется как балтское, а его происхождение связывается с географическими и историческими реалиями Литовской Республики; во второй, напротив, доказывается обратное, слово интерпретируется как не литовское и не балтское. Нельзя сказать, что теории второго типа доминируют в белорусском культурном пространстве, однако они известны в нём сравнительно широко.

В академических изданиях Беларуси, как правило, просто констатируется литовское происхождение слова как общепринятая научная конвенция. Энциклопедия *Вялікае княства Літоўскае* однозначно трактует слово как созданное по балтской языковой модели, однако при этом отмечается, что ни одна из версий на сегодняшний день не является общепринятой, из таковых упоминается лишь гидронимическая, связанная с названием реки Латава [Насевіч 2007, 202]. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* отмечает, что «Прасл. litva можа лічыцца блізім адпаведнікам (або паралелізмам) літ. Lietuvà, якое, аднак, Фрэнкель [...] збліжае з лат. Lītus 'берег мора'» [Мартынаў 1990, 167].

Некоторые этимологические идеи, предлагаемые литовскими исследователями, остаются малоизвестными в белорусском информационном поле, являясь достоянием лишь узкого круга специалистов. Можно предположить, что это происходит из-за языка работ, на котором они написаны, — однако и книга Артура Дубониса [Дубоніс 2015], переведённая и изданная на белорусском, практически не цитируется белорусскими авторам. Исследования происхождения слова *Литва* нередко строятся не как диалог и дискуссия с существующими теориями, а как проект, во многом игнорирующий научный опыт.

Попытки краткого обзора версий литовских учёных обнаруживают работы, тяготеющие к околонулевой и научно-популярной публицистике. Изложенная в них информация сравнительно широко представлена в интернете, будучи растиражированной в том числе и в форме множества анонимных копий. Первоисточниками подобных интерпретаций в значительной мере являются три текста — статьи З. Ситько *Вяртаемся да літвы* [Сіцька 2000], В. Марченко *Происхождение термина «Литва»* [Марченко 2011] и С. Борисова *Литва — поіскі истокаў* [Борисов 2015]⁸.

⁸ Последние два текста имеют между собой значительные дословные текстуальные совпадения, не обозначенные как цитаты.

С некоторыми несущественными различиями эта проблематика освещена в них следующим образом:

- 1) Из числа литовских исследователей упоминаются лишь С. Каралюнас и К. Кузавинис, при этом аргументации их концепций не приводится.
- 2) Кратко упоминаются климатическая, талассическая версии, однако трактуются как неверные, в том числе с не вполне корректной ссылкой на М. Фасмера: «Яго ж выводзілі ад словаў: *litus* лац. “берег (мора)”, *lietus* жамойцкае, “дождж”, *Lietava* Летаўка, прыток Віліі. Гэтым этымалогіям даў негатыўную ацэнку вядомы мовазнаўца М. Фасмер» [Сіцька 2000, 13].
- 3) Балтская милитарная версия упоминается реже и не принимается на следующем основании: «Согласно данной гипотезе, названию *Lietuva* начало дал не гидроним, а нарицательное существительное **lieta* (**leita*), как будто имевшее значение ‘дружина, войско’. Однако в литовском языке вовсе нет никаких следов существования в прошлом такого слова с указанным значением» [Марченко 2011, 47; Борисов 2015].

Преимущественно игнорируемые академической традицией, они, тем не менее, продолжают сравнительно широко ретранслироваться, а их редуцированные версии преобразуются в стереотипные представления, которые, в свою очередь, оказывают влияние на конструирование некоторых парадигм осмысления прошлого в рамках различных теорий, связанных с белорусской национальной идентичностью. Можно сделать вывод о том, что к этимологии слова *Литва* в белорусском культурном пространстве в значительной мере проявляют интерес авторы, склоняющиеся к трактовкам истории Великого княжества Литовского в парадигме протобелорусских / раннебелорусских реалий, что, видимо, нередко предопределяет и их предпочтения в плане этимологических концепций⁹.

Вероятно, наиболее содержательный обзор версий этимологии с протобелорусских позиций предлагает Алесь Жлутка [Жлутка 2016, 19–28], однако эта его статья пока не получила широкой известности.

Не идентичным для белорусской и литовской традиций оказывается и исследуемый корпус текстов прошлых веков, зафиксировавших как устаревшие легендарные этимологические теории, так и не потерявшие

⁹ Даже если абстрагироваться от степени дискуссионности конкретных вариантов этимологии, не вполне понятно, что именно предполагается доказать с их помощью. И названия стран, и этнонимы могут быть заимствованиями по происхождению, впоследствии переосмысляясь в системе культуры как собственные и даже «исконные» — а по сути и становясь таковыми. Конвенциональные составляющие процессов самоидентификации часто являются определяющими.

своей актуальности факты. Помимо прочего, встречаются ссылки на «белорусифицированные» версии различных источников. Так, например, *Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси* Стрыйковского в белорусском культурном пространстве может именоваться *Хроникой Белой Руси*¹⁰. В сборнике *Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах* (1936) в тексте начала XVII в. *Литва* и *Русь* было заменено на *Литва* и *Беларусь* и т.д. – об этом и иных близким к фальсификации моментах пишет, например, Алесь Белый [Белы 2000, 15]. Подобных прецедентов не так много, однако в совокупности они создают определенный контекст, отчасти фикциональный характер которого не всегда осознаётся¹¹.

Так или иначе, всё это способствует накоплению некоторых различий как в области общепринятых стереотипов, так и между филологическими традициями, в которых преимущественно работают литовские и белорусские исследователи, в том числе и в отношении популярности различных этимологических концепций – особенно тех, которым уделяется повышенное внимание по причинам несобственно-лингвистического характера.

Выводы

1. Типология современных гипотез происхождения слова *Литва* может быть представлена следующим образом: 1) гипотезы, связанные с названием группы людей: милитарная, этносоциальная, этнотопонимические (западнславянская и финно-угорская); 2) гипотезы, связанные с географическими реалиями: гидронимические, талассическая, климатическая; 3) эпонимические гипотезы: мифологические (балтская и финно-угорская), легендарно-историческая.
2. Версии происхождения слова *Литва* существенно различаются: часть из них представляет собой обоснованные научные концепции с детализированной системой аргументации, часть – предположения с неясной аргументацией, вызывающей сомнения, в том числе основанной на «народной этимологии». Это, однако, не препятствует распространению и тех, и других в современном информационном белорусском поле.
3. В белорусском культурном пространстве повышенный интерес к происхождению слова *Литва* часто проявляют те, кто тяготеет к трактовкам истории Великого княжества Литовского как прото-

¹⁰ Например, так она названа в эпиграфе романа классика белорусской литературы Владимира Короткевича *Христос приземлился в Гродно* (1966).

¹¹ Данная проблема не является специфически белорусской, в той или иной мере характерна и для культурного пространства других народов.

белорусского государства. Критерии предпочтения той или иной версии могут быть идеологически мотивированными.

4. Обнаруживаемые различия между литовской и белорусской традициями исследования данного вопроса в определенной степени могут объясняться различным общекультурным контекстом двух стран. Они находят отражение не столько в академической филологической науке, сколько в околонучной публицистике, беллетристике, а также в сложившихся стереотипах.

Литература

АГЕЕВА, Р. А., 1990. *Страны и народы: происхождение названий*. Москва: Наука.

БАДИГИН, К., 1984. *Кольцо великого магистра*. Москва: Детская литература.

БАРАНАУСКАС, Т., 2003. *Место коронации Миндаугаса*. URL: <https://web.archive.org/web/20090403152833/http://viduramziu.lietuvos.net/socium/karunacija-ru.htm> (05.06.2025).

БОРИСОВ, С., 2015. *Литва – поиски истоков*. URL: <https://anubis.ucoz.ua/publ/107-1-0-12974> (05.06.2025).

ГИМБУТАС, М., 2006. *Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы*. Москва: РОССПЭН.

ГРЕЙМАС, А., 2021. О богах и людях: Исследования по литовской мифологии. В поисках народной памяти. Москва: Индрик.

ГРИМАЛАУСКАЙТЕ, Д., СИНЧУК, И., 2004. О термине *летувисы* в белорусской историографии 1990-х годов, *Вестник Брестского государственного технического университета*, № 6. 45–47.

ДАЙЛДА, А., 2019. *Пачаткі Вялікага Княства Літоўскага. Ад стварэння да Крэўскай уніі*. Мінск: Аўтарскае выданне.

ДУБОНІС, А., 2015. *Лейці вялікага князя літоўскага: з гісторыі ранніх дзяржаўных структур літоўскага грамадства*. Смаленск: Інбелкульт.

ЖЛУТКА, А., 2016. Літва і ліцьвіны – адкуль хто? In ЛЁСІК, Я. *Літва–Беларусь: гістарычныя выведы*. Мінск: Тэхналогія, 19–28.

ЖУРАВЛЁВ, А., 2000. Наивная этимология и «кабинетная мифология» (из наблюдений над мифологизмом А. Н. Афанасьева). In ЕШИЧ, М. Б. (ред.). *Язык как средство трансляции культуры*. Москва: Институт славяноведения РАН, 68–84.

ЗАБУЛИТЕ, Й., 2004. Птицы на деревянных крестах (*Medinių kryžių paukščiai*). In ГИПШИУС, А. А. (ред.). *Балто-славянские исследования*. Т. XVI. Москва: Индрик, 272–288.

КАЗЛОВА, Р., 2002. *Беларуская і славянская гідранімія*. Праславыянскі фонд: У 2 т. Т. 2. Гомель: ГДУ, 81–98.

КОЧУБИНСКИЙ, А., 1897. Территория доисторической Литвы, *Журнал министерства народного просвещения*, № 1.

КУДРИНСКИЙ, Ф., 1905. Литовцы (общий очерк). In ДОБРЯНСКИЙ, Ф. Н. (ред.). *Виленский календарь на 1906 простой год*. Вильна: Русский Почин.

ЛАСКОЎ, І., 1989. Племя пяці родаў. Летапісная літва: сваяцтва і лёс, *Літаратура і мастацтва*, № 33. 13–15.

ЛАСКОЎ, І., 2011. *Летапісная Літва. Сваяцтва і лёс. Кніга-пошук*. Вільня: Наша будучыня.

МАРТЫНАЎ, В. У. (ред.), 1990. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Том 6. Мінск: Навука і тэхніка. URL: <https://verbum.by/esbm/litva>

МАРЧЕНКО, В. С., 2011. Происхождение термина «Литва». In КИРИЕНКО, В. В. (ред.). *Беларусь в современном мире: материалы IV Республиканской научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Гомель, 12 мая 2011 г.* Гомель, 46–48.

НАСЕВІЧ, В., 2007. Літва. In *Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т.* Т. 2. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 202–206.

РАКАУСКАС, Ю., 1999. *Литова и Литва. Родство имен в свете совмещения данных ономастики, мифологии и археологии*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/litova-i-litva-rodstvo-imen-v-svete-sovmescheniya-dannyh-onomastiki-mifologii-i-arheologii> (05.06.2025).

РОГАЛЕЎ, А. Ф., 2008. *Назвы Бацькаўшчыны: Тапанімія Беларусі*. Гомель: Барк.

СІЦЬКА, З., 2000. Вяртаемся да літвы, *Літаратура і мастацтва*, № 41. 13.

ТАРАС, А. Е., 2010. *Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV-XVII вв.* Москва: АСТ; Минск: Харвест.

ТРУБАЧЁВ, О. (ред.), 1988. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Москва: Наука. Вып. 15.

УРБАН, П., 2001. *Старажытныя ліцьвіны: Мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць*. Мінск: Тэхналогія.

ФАСМЕР, М., 1986. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Москва: Прогресс, Т. 2.

ЧАРОПКА, В., 1994. *Імя ў летапісе*. Мінск: Полымя.

ЧАРОПКА, В., 1995. *Гісторыя нашага імя*. Мінск: Полымя.

ШАХМАТОВ, А., 1908. Мстиславъ Лютыѣвъ в русской поэзии. In СУМЦОВ, Н. (ред.). *Сборник Харьковского Историко-филологического общества*. Т. XVII, 3–12.

BARANAUSKAS, T., 2009. On the Origin of the Name of Lithuania, *LITHUANUS. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*, 55(3). 28–36.

DUBONIS, A., 1996. Vardas Lietuva: Ties Lietuvos valstybės ištakomis, *Naujasis židinys–Aidai*, 1/2. 7–12.

JAROSZEWICZ, J., 1844. *Obraz Litwy pod względem jęj cywilizacyi, od czasow najdawniejszych do końca wieku XVIII. Cz. 1: Litwa pogańska*. Wilno: Drukarnia M. Romma.

KARALIŪNAS, S., 2015. *Baltų etnonimai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

KUZAVINIS, K., 1964. Lietuvos vardo kilmė, *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Kalbotyra*, T. X. 5–18.

NARBUTT, T., 1835. *Mitologia Litewska*. Wilno. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/narbutt/01/DZIEJE_STAROC5%BBYTNE_NARODU_LITEWSKIEGO_Tom_pierwszy.html (05.06.2025).

OTRĘBSKI, J., 1958. *Gramatyka języka litewskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

PATAČKAS, A., 2011. *Pastogės Lietuva*. Vilnius: Aidai.

POKORNY, J., 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. 2. Bern: Francke.

SCHACHMATOV, A.I., 1912. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen, *Archiv für slavische Philologie*, 33. 51–99.

Bibliography (Transliteration)

AGEEVA, R. A., 1990. *Strany i narody: proishozhdenie nazvanij*. Moskva: Nauka.

BADIGIN, K., 1984. *Kol'co velikogo magistra*. Moskva: Detskaja literatura.

BARANAUSKAS, T., 2003. *Mesto koronacii Mindaugasa*. URL: <https://web.archive.org/web/20090403152833/http://viduramziu.lietuvos.net/socium/karunacija-ru.htm> (05.06.2025).

BORISOV, S., 2015. *Litva – poiski istokov*. URL: <https://anubis.ucoz.ua/publ/107-1-0-12974> (05.06.2025).

GIMBUTAS, M., 2006. *Civilizacija Velikoj Bogini: mir Drevnej Evropy*. Moskva: ROSSPEN.

GREJMAS, A., 2021. *O bogah i ljudjah: Issledovanija po litovskoj mifologii. V poiskah narodnoj pamjati*. Moskva: Indrik.

GRIMALAUSKAJTE, D., SINCHUK, I., 2004. O termine *lituvisy* v belorusskoj istoriografii 1990-h godov, *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, № 6. 45–47.

DAJLIDA, A., 2019. *Pachatki Vjalikaga Knjastva Litovskaga. Ad stvarjennja da Krjewskaj unii*. Minsk. Aut. vydannia.

DUBONIS, A., 2015. *Lejci vjalikaga knjazja litovskaga: z gistoryi rannih dzjarzhavnyh struktur litovskaga gramadstva*. Smalensk: Inbelkul't.

ZHLUTKA, A., 2016. Litva i lic'viny – adkul' hto? In LJOSIK, Ja. *Litva-Belarus': gistorychnja vyvedy*. Minsk: Tjehnalogija, 19–28.

ZHURAVLJOV, A., 2000. Naivnaja jetimologija i «kabinetnaja mifologija» (iz nabljudenij nad mifologizmom A. N. Afanas'eva). In ESHICH, M. B. (red.). *Jazyk kak sredstvo transljacii kul'tury*. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 68–84.

ZABULITE, J., 2004. Pticy na derevjannyh krestah (Medinių kryžių paukščiai). In GIPPIUS, A. A. (red.). *Balto-slavjanskje issledovanija*. T. XVI. Moskva: Indrik, 272–288.

KAZLOVA, R., 2002. *Belaruskaja i slavjanskaja gidranimija. Praslavjanski fond: U 2 t.* T. 2. Gomel': GDU, 81–98.

KOCHUBINSKIJ, A., 1897. Territorija doistoricheskaj Litvy, *Zhurnal ministerstva narodnago prosveshhenija*. Chast' CCCCX, janvar'.

KUDRINSKIJ, F., 1905. Litovcy (obshhij ocherk). In DOBRJANSKIJ, F. N. (red.). *Vilenskij kalendar' na 1906 prostoj god*. Vil'na: Russkij Pochin.

LASKOW, I., 1989. Plemja pjaci rodaw, *Litaratura i mastactva*, № 33. 13–15.

LASKOW, I., 2011. *Letapisnaja Litva. Svajactva i ljios. Kniga-poshuk*. Vil'nja: Nasha buduchynja.

MARTYNOW, V. U. (red.), 1990. *Jetymalogichny slownik belaruskaj movy*. Tom 6. Minsk: Navuka i tjehnika.

MARCHENKO, V. S., 2011. Proishozhdenie termina „Litva”. In KIRIENKO, V. V. (red.). *Belarus' v sovremennom mire: materialy IV Respublikanskaj nauchnoj konferencii studentov, magistrantov i aspirantov, Gomel', 12 maja 2011 g.* Gomel', 46–48.

NACEVICH, V., 2007. Litva. In *Vjalikae knjastva Litowskaj : Jencyklapedyja. U 2 t.* T. 2. Minsk: Belaruskaja Jencyklapedyja imja P. Browki, 202–206.

SIC'KA, Z., 2000. Vjartaemsja da litvy. In *Litaratura i mastactva*, № 41.

TARAS, A. E., 2010. *Vojny Moskovskoj Rusi s Velikim knjazhestvom Litovskim i Rech'ju Pospolitoj v XIV-XVII vv.* Moskva: ACT; Minsk: Harvest.

TRUBACHJOV, O. (red.), 1988. *Jetimologicheskij slovar' slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond.* Moskva: Nauka. Vyp. 15.

URBAN, P., 2001. *Starazhytnyja lic'viny: Mova, pahodzhan'ne, jetnichnaja prynalezhnasc'.* Minsk: Tjehnalogija.

FASMER, M., 1986. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4 t.* T. 2. Moskva: Progress.

CHAROPKA, V., 1994. *Imja w letapise.* Minsk: Polymja.

CHAROPKA, V., 1995. *Gistoryja nashaga imja.* Minsk: Polymja.

RAKAUSKAS, Ju., 1999. *Litova i Litva. Rodstvo imen v svete sovmeshhenija dannyh onomastiki, mifologii i arheologii.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/litova-i-litva-rodstvo-imen-v-svete-sovmeshcheniya-dannyh-onomastiki-mifologii-i-arheologii> (05.06.2025).

ROGALEW, A. F., 2008. *Nazvy Bac'kawshchyny: Tapanimija Belarusi.* Gomel': Bark.

SHAHMATOV, A., 1908. Mstislav" Ljutyj v russkoj poezii. In SUMCOV, N. (red.). *Sbornik Har'kovskogo Istoriko-filologicheskogo obshhestva.* T. XVII, 3–12.